

этот кризис в XVIII в. стал актуальным и для России, получив при этом дополнительное значение под знаком культурного противопоставления Россия—Запад. В своем стихотворении Державин предпринял попытку согласовать традиционную русскую веру в Бога с духом западноевропейского Нового времени, чтобы, при всем уважении к традиции, понять отношение человека к Богу и его положение во вселенной, в соответствии с современным знанием. Успех державинской оды показывает, что ему удалось выразить это новое понимание языком, убедительным для современников и потомков. Этому успеху способствовал, как можно предполагать, не только поэтический дар, но и риторические навыки Державина, т. е. владение сложившимися формулами выражения новых идей и интуитивное понимание, что именно готова была услышать публика, потерявшая уверенность в своей религиозной ориентации. В такой перспективе элементы оды, которые в истории ее изучения вызывали сомнения в оригинальности Державина,⁵ приобретают другой, положительный, смысл: эти формулы устанавливают коммуникативную связь между автором и читателем, являясь таким образом условием успеха Державина.

Ода начинается как восторженная похвала Богу. Однако Державин не реализует эту тему в формах духовной поэзии. Его стихотворение было опубликовано без подзаголовка, указывающего на жанр, однако форма строфы — десять строк четырехстопного ямба — ассоциируется с торжественной одой, которую, несмотря на религиозные элементы, принято считать главной формой светской лирики в русской поэзии XVIII в. Это переплетение между сакральным и профанным проявляет себя также в том, что в языковом контексте, отмеченном церковнославянскими архаизмами,⁶ Бог прославляется как создатель «миллионного множества миров». Бросается в глаза не только повторное употребление числительного «миллион», которое ассоциируется с профанной сферой научного рационализма, но также то, что такие слова как «солнце» (строка 46) и — неоднократно — «мир» (строка 59, 66, 91) употребляются во множественном числе. Имплицируемое этим словоупотреблением представление о «множестве миров» (или

⁵ Комментарий Я. К. Грота всецело пронизан этой дискуссией; ср. также: *Левитский А.* Оды «Бог» у Хераскова и Державина. (Предварительные заметки) // *Gavriil Derzhavin (1743—1816) / Ed. Etkind E.; Elnitsky S. Northfield; Vermont, 1995. P. 341—360; Эткинд Е.* Две дилогии Державина // Там же. С. 234—256.

⁶ К маркированным элементам церковнославянского языка принадлежат: окончание прилагательного мужского рода единственного числа в ударной позиции на *-ый* вместо *-ой* как в *живый*; повторное употребление деепричастной формы прошедшего времени активного залога как в *создавший*; первое и второе лицо глагола *есть* — *я емь*, *Ты есь* (за эту лингвистическую информацию благодарю В. М. Живова).